

Андрей Смирнов

ХРАНИТЕЛЬ РАС

Памяти Владимира Авдеева

«И один в поле воин, если он воин».

«Я не белое называю чёрным и чёрное белым – я белое и чёрное называю разноцветным».

Владимир Авдеев «Страсти по Габриэлю»

Ещё одна утрата «ненасытного» 2020 года. В декабре покинул наш земной мир писатель, издатель, расолог Владимир Авдеев. Ему было всего 58 лет.

Проблемы со здоровьем у Владимира Борисовича были давно, но разговоры на эту тему он сухо обрывал: «Всё нормально». Видимо, считал, что не в его правилах жаловаться на самочувствие. К несчастью, «нормально» не было: тяжелейшая форма диабета. А во время больничных сеансов прибавился коронавирус, добивший когда-то могучий организм.

В моей случайной коллекции визиток авдеевская, лаконичная, без картинок – за явным номером один: ФИО, телефон и подпись: *«Председатель Верховного евгенического суда РФ, ведущий специалист в области расоразводных процессов и арийского человеководства»*. Колорит Авдеева – пафос, дерзость, юмор, неполиткорректность – она с лихвой передаёт. Кому-то подобный стиль может показаться чуть ли не мальчишеством. Однако Авдеев во всей своей величественной «анфиладе» тем и идей всегда оставлял место эпатажу. Он не подчинялся стереотипам, но был верен принципам.

Непосредственно с Владимиром Борисовичем я познакомился году в 98-м, после очередного митинга у американского посольства. Некое немецкое телевидение снимало разоблачительный фильм про злобных «русских фашистов». С самого начала всё шло не по сценарию, а у посольства шаблоны рвались окончательно. Приехали снимать скинхедов, перед камерой оказался галантный господин, ведущий разговор в вежливо-ироничном ключе.

Не прикладывая особых усилий, Авдеев легко становился центром внимания любой компании. Темперамент, интеллект, поставленная речь, к тому же неожиданный облик – бабочка, светлый костюм. Он сходу выдавал эффектные афоризмы, а мог долго и вдохновенно описывать научные подробности, сыпал

именами, трудами, терминами, так что собеседник оказывался практически на лекции.

Инженер по образованию, писатель по призванию, старший лейтенант по званию, Владимир Авдеев убеждённо вторгся в покрытый политкорректной патиной мир народов и рас. Без малого четверть века он посвятил расологии, то есть науке о человеческих расах. «Отсидев» большой срок в библиотеках, освоив классические труды, консультируясь у ведущих специалистов, Авдеев пришёл к издательской просветительской деятельности. Владимир Борисович позволил себе пренебречь некоторыми научными установками последних десятилетий, особенно теми, что заметно поиздержались и стали формой интеллектуальной цензуры. Он обратился к подзабытым или неизвестным авторам прошлого и позапрошлого веков. Кстати, тогда его любимые авторы вызывали подозрение у консерваторов, но спустя век «прогрессисты» всех их скопом зачисляют уже в отпетые мракобесы. На недовольство «ревнителей научной чистоты» Авдеев резонно замечал, что выпускает то, что считает интересным и важным, и никак не мешает критикам выстраивать свою издательскую стратегию.

Владимир Борисович фактически реабилитировал «опасное» слово «раса». Он ввёл в научный оборот большой комплекс текстов, основал целую серию «Библиотека расовой мысли». Книги были разные – по направлению, жанру, стилю. Одни обязательны на полке историка философии, другие необходимы антропологу, а третьи представляют особый интерес, например, для психологов и художников: «Классическая физиогномика» Ивана Сикорского или исследование мимики Паоло Мантегаццы. Но оказалось, что расологическая проблематика, да ещё в наш «некнижный» век, может привлечь внимание самого широкого круга читателей. Показательно, что к авдеевским проектам постепенно подключилось несколько издательств, включая китов книжного рынка вроде АСТ.

Авдеев заново открывал дореволюционных авторов, фамилии которых как минимум на слуху. Таков двухтомный бестселлер «Русская расовая теория до 1917 года» с текстами Мечникова, Анучина, Богданова или сборник «Русская евгеника». Авдеев издавал классических немцев, поляков и англичан. Наконец, он заслуженно был принят в современном расологическом сообществе, и к русскому читателю пришли актуальные авторы – от Ричарда Линна до Тату Ванханена.

Расологическая авдеевская библиография включает более полусотни изданий. И за каждым – выдающаяся работа по разысканию текстов, редактированию переводов, написанию предисловий, поиску иллюстративного материала.

Да, он мог увлечься или что-то не вполне корректно процитировать. На фоне таких объёмов это отчасти неизбежно и некритично. Разумеется, он выступал

и как идеолог, многие его выводы явным образом проходят по разряду «неприятная истина». Иные формулы Авдеева нынче звучат на официальных ресурсах как нечто само собой разумеющееся. Про потенциал гражданской войны в США он говорил ещё в девяностые. И концепцию русского мира по своему разрабатывал два десятилетия назад.

По большому счёту, за такую деятельность дают гранты или даже награды. Авдееву доставались запреты и преследования. Время, силы и, конечно, здоровье уходили на юридические битвы. Можно только представить, как бы Авдеев развернулся, если бы ему хотя бы не мешали.

Не получая официального признания, авторитет Авдеева был велик в национально-патриотических средах, ибо Владимир Борисович был здоровой прививкой естественнонаучного знания в сообщества гуманитариев и мистиков.

Владимир Авдеев всегда апеллировал к качеству, и сам был своеобразным знаком качества. Его хватило и на «адогматическую проповедь», и на элитарную литературу, и на яркую публицистику, и на расовую теорию. Это был выдающийся тип современного русского интеллектуала. С Авдеевым можно было столкнуться на концерте «ДК» или обсудить дискографию Питера Хэммила. Он любил цитировать немецких романтиков или зороастрийские тексты. К слову, к зороастризму он относился с большим интересом и, как мне порой кажется, куда сильнее декларируемого язычества. Так что политеизм Авдеева был не так уж однозначен.

При своих данных и талантах он мог бы реализоваться в любом обществе. Жизненная сила была для него важнейшим аргументом. «Завтра» он принимал именно по этому критерию: мол, столько лет прошло, столько всего изменилось, а газета на плаву. С «Завтра» он фактически был знаком даже до появления «Дня». Александр Проханов публиковал авдеевские произведения в журнале «Советская литература», который в чём-то стал прообразом будущей газеты.

Авдеев довольно регулярно проявлялся на наших страницах, выступал экспертом на сайте – живо и основательно откликнулся на очередные безумства европейцев, предлагал особый взгляд на «достижения» Майдана. Больших бесед было две. Первая – середина тысячных, дебют полосы «Космогония». Вторая – в 2017 году, к 55-летию Владимира Борисовича.

Авдеев был бескомпромиссен и радикален, но никогда не страдал маргинальностью сознания. Он работал с большими категориями, поэтому и мыслил континентами. И новейшие девиации, когда некоторые деятели правого фланга перешли на язык либералов, ему были глубоко чужды.

Главная политическая тема Авдеева – это выживание и будущее русских и России. Мир по Авдееву – это борьба, конкуренция, война. И выходить на противостояние неотмобилизованным и неоснащённым – смерти подобно. «Расовый смысл русской идеи» и возник как ответ на *«суровую реальность нашей этнокультурной жизни»*, на то, что *«впервые в своей истории русский народ столкнулся с вырождением как в качественном, так и в количественном отношении»*. Практическая направленность была обязательна для авдеевских изысканий. Здоровье национального организма, наследственность, улучшение породы, устойчивость к «обманкам» мира сего – вот что заботило расолога. Труды Владимира Авдеева – это русское оружие в глобальном мире.

Источник: Газета [«Завтра»](#)

Библиотека Велесова Слобода, 2021 г.